
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЧИСТО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ТРЕБОВАНИЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И АКТУАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор

КОЛУПАЕВА Ирина Владимировна, соискатель кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

---

*Далеко не так уж много специалистов решились на коренной пересмотр
взглядов на трудовую деятельность, решились признать, что нет
сознательной производственной деятельности, если нет индивидов,
обладающих человеческим сознанием, а значит, орудийная деятельность
вполне может быть бессознательной, и нечего искать человека там,
где нет такой мелочи, как человеческий мозг*
Э.Б. Ахназаров

*Особое значение приобретает принцип
субординационного подчинения соответствующего
ряда научных дисциплин (например, размещения,
как сейчас это предлагается, социологии и психологии
на месте, которое предшествует экономике,
не лишенное смысловой нагрузки, особенно с точки зрения
на функцию первичности социально-психологических
и духовных факторов общественного развития)*
А. Гальчинский

О господстве экономизма над человеком и его деятельностью

Актуализация той или иной составляющей человеческой деятельности происходит под влиянием тех сознательно поставленных целей, которых стремится достичь человек в данный период развития общества. С другой стороны, само состояние общества в определенной мере «задает» пределы возможного с точки зрения наличия природных и материально-вещественных факторов производства. Поэтому в самой цели человеческой деятельности скрыто объективное противоречие процесса развития жизни, определяемое двумя сторонами бытия *целостного* человека. В самом человеке это противоречие исходит из его биосоциальной, а вернее *духовно-телесной природы*, где ведущей стороной противоречия с точки зрения развития самого человека выступает духовно-социальная ипостась с ее практически неограниченными возможностями развития и освоения мира. Но сдерживающим фактором всегда становится телесная ипостась, связанная с биофизическими

возможностями достижимости того, что открывается и к чему может стремиться духовно-социальная ипостась человека. Здесь речь идет о различных периодах жизни в биофизическом аспекте (детство, юность, зрелость, старость и смерть), которые налагают пределы возможному, т. е. реализации способностей и достижению высот, определяемых духовной ипостасью.

Это противоречие через своеобразную трансформацию становится ведущим противоречием развития человеческого общества, сторонами которого являются материально-вещественная и духовно-творческая стороны человеческой общественной деятельности. Материально-вещественная сторона сводится к наличию природных ресурсов и овеществленных продуктов человеческого труда в виде его орудий. Духовно-творческая сторона деятельности помещается в сфере общественного сознания, которое творит и идеально задает образы и образцы будущего как самой деятельности, так и бытия вообще.

При этом следует указать, что если *индустриальная* стадия развития человеческого общества прошла под эгидой господства *материалистического* мировоззрения и признания первичности материи, то наступившая *постиндустриальная* стадия связана с осмыслением *приоритетности сознания* в последующем развитии человечества. Это обусловлено рядом причин, главными из которых, на наш взгляд, являются истощение запасов природных ресурсов, достигнутый высокий уровень техно-искусственности окружающего человека мира, выдвигание знания на роль определяющего ресурса ближайшего развития человечества как особого рода *homo sapiens*.

Но все же представляется, что более глубинной причиной, в том числе и причиной причин вышеназванных, является непонимание человеком того, что же такое его деятельность, каково ее назначение и какую роль она занимает в его жизни. И хотя исследованию данных проблем посвящены многочисленные научные работы, можно с уверенностью сказать, что полной ясности в понимании человеком своей деятельности не достигнуто. В начале нового века проблема деятельности вновь актуализируется и во весь рост встает перед наукой как фундаментальнейшая научная проблема, лежащая в основании создания современной научной картины мира.

XX век стал веком крайнего обострения указанного противоречия развития общества и завершился объективным признанием того, что среди всех насущных проблем самой приоритетной стала проблема *выживания человечества*. Деятельность человека по обеспечению своего будущего (которого может и не быть) приобрела статус человеческого императива. Разрешение противоречия и реализация императива выживания человечества лежит не в той его стороне или плоскости, которая представлена материально-вещественными ресурсами. Важности данной стороны нельзя недооценивать хотя бы потому, что именно на ней открыто акцентируют внимание силы, мировую глобальную власть предрежающие. Но, с другой стороны, признанным является факт, что наличные ресурсы и произведенное материальное богатство достаточны для обеспечения нормальной жизнедеятельности всего населения планеты, включая каждого конкретного человека. Иными словами, экономическая мощь человечества достигла такого уровня в своем развитии, что способна удовлетворить материальные потребности каждого. Но та же *экономическая* мощь характеризуется *однобокостью*, ибо в силу самой своей экономической природы она преследует свою собственную цель – получение прибыли для формирования сверхбогатства немногих. Ей внутренне присуща *функциональная однонаправленность*, сопровождаемая углубляющимся отчуждением и опредмечиванием человека, превращением его в *средство*, особую вещь для достижения своей главной внутренней для экономической системы цели. Безусловно, что *попутно* экономическая цивилизация удовлетворяет и материальные потребности людей, но только тех, кто имеет возможность заплатить высокую цену за блага, которые все стали суть товарами.

В процессе достижения своей главной цели экономическая цивилизация старается *подчинить* себе человека и общество, обеспечить *господство материально-вещественной* стороны бытия, т. е. поставить себе на службу все социальное и по возможности духовное,

подчинить всех и вся *экономической* власти, стремящейся к *абсолютному* преобладанию. Налицо «момент своеобразного прорыва экономики в хозяйственное и цивилизационное пространство с последующим овладением экономикой всей хозяйственной жизнью и подчинением экономике всей цивилизации»¹, когда правит бал «именно капитал – это высшее достижение экономического способа хозяйства, когда деньги свободно и стремительно делают деньги, когда стоимость уверенно самовозрастает, когда деньги окончательно одерживают победу и становятся во главе экономики и всей жизни, когда обнаруживается великая динамическая сила – погоня за деньгами посредством всего лишь превращения денег в неденьги и опять в деньги – уже возросшие, когда обнажаются страшные энергии и накопления, достижения – не для всех, конечно – рая на Земле, когда высвобождаются предпринимательство и труд, знание и информация, наука и изобретательство, идеология (на время, разумеется) и политика (разумеется, не для всех), когда сама религия, не говоря уже о морали, разворачивается в сторону любого, кроме разве лишь прямого и открытого воровства, стремления к стоимости и к ее самовозрастанию»². Капитал в экономической цивилизации «себе все подчиняет. *Все!* И прежде всего мораль, точнее, нравственность, замененную моралью, ибо мораль – куда как слабее и гибче нравственности, ибо нравственность от Бога, а мораль – от человека. Так вот эту самую человеческую мораль капитал себе и подчиняет, превращая ее в мораль буржуазную, когда красть бублик с прилавка нехорошо и наказуемо, а грабить целые народы и континенты вполне допустимо и даже поощряемо»³.

Вот здесь-то и находится путь разрешения главного противоречия развития человеческого общества, которое принимает вид противоречия между капиталом и моралью, а вернее и глубже – *противоречия между экономикой и нравственностью*. Оно в принципе не может быть разрешено в рамках экономики, экономической цивилизации, исходя из вышеприведенных их характеристик, которые в достаточно полной мере раскрывают суть самой экономики.

Осознавая это, видя те бедствия, которые несет человеку и человечеству *экономизм* как дух экономики, идеологическое отражение господства экономического начала, критически мыслящие представители западной экономической науки стали говорить о необходимости замены традиционного голого *экономизма* *этической экономикой* как особым направлением научной мысли.

При обосновании необходимости формирования этической экономики и практической реализации ее принципов в хозяйственной деятельности П. Козловски исходит из того, что хозяйственный порядок и развитие общества должны основываться на самых сильных и самых лучших побуждениях человека. «Экономическая наука с начала ее самостоятельного существования исходит из самого сильного человеческого побуждения – собственного интереса. Философская этика традиционно исходит из того, что принято называть наилучшими побуждениями человека: стремления к добру, исполнения долга, добродетели. Экономическая теория анализирует и конструирует социальные институты и порядки деятельности, основанные на собственном интересе, а этическая теория обосновывает институты и нормы, предоставляющие возможности для раскрытия наилучших побуждений человека. В этом смысле обе науки имеют дело с одним и тем же предметом – действующим человеком и координацией деятельности, ведомой разумом. Поскольку экономическая наука и этика направлены на один и тот же предмет, они не являются науками, независимыми друг от друга. Необходимость объединить экономический и этический подходы к человеческой деятельности и ее координации вытекает, таким образом, из природы человеческой

¹ Осипов Ю.М. *Философия хозяйства*. – М.: Юристъ, 2001. – С. 182.

² Там же. – С. 182-183.

³ Там же. – С. 184.

деятельности и из требования социального порядка, которое заключается в том, чтобы обеспечить как экономическую, так и этическую ориентации человеческой деятельности»⁴.

В этой ориентации следует видеть творческое осмысление идей социального рыночного хозяйства, которые были выработаны немецкими учеными и успешно практически реализованы Людвигом Эрхардом в послевоенной Германии в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. Уже тогда один из теоретиков этой модели развития общества А. Мюллер-Армак писал о задаче развития четкой способности Запада найти лучшие, более гуманные, более свободные и более социально приемлемые решения жизненных проблем в современном мире⁵. Он подчеркивал различие неолиберализма и социального рыночного хозяйства, акцентируя внимание на том, что корни этих теорий различны: неолиберализм рассматривает механизм конкуренции как единственный принцип организации экономики, тогда как корни теории социального рыночного хозяйства находятся в «динамической теории и в философской антропологии, возникших в двадцатых годах под влиянием иного взгляда на государство и развития концепции образа жизни, в значительной степени отвергавшейся неолиберализмом. Координируемые функции социального рыночного хозяйства не укладываются исключительно в механические правила конкуренции. Ее принципы организации связаны с государством и обществом, представления которых о ценностях и ответственности оказывают влияние на всю систему социального рыночного хозяйства»⁶. Социальное рыночное хозяйство А. Мюллер-Армаком не сводится к исключительно теории конкуренции; оно представляет, скорее, идеологическую концепцию в том смысле, что его целью является координация между сферами жизни, представленными рынком, государством и социальными группами, а его база характеризуется как социологической, так и экономической, как статистической, так и динамической составляющими. Суть социального рыночного хозяйства как определяющей базы экономической и социальной политики сводится к тому, что «это порядок, который **впитывает определенные ценности, но не устанавливает их сам**, и в этом смысле он не имеет теологической основы. Это способ поведения в нашем мире, стремление к определенному способу решения социальных проблем»⁷ (выделено нами – Г.З., И.К.). На наш взгляд, в выделенных нами словах следует видеть предел распространения экономики, которая не должна перерасти в экономизм, диктующий свои ценности и распространяющий их на все иные сферы жизнедеятельности общества. Об этом весьма четко в дискуссии с Эриком Нелтингом заявил Людвиг Эрхард: «Рыночная экономика оправдана с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше, чем какая-либо форма экономики, обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей **всего народа**, когда она в максимальной степени наделяет номинальные доходы граждан реальной покупательной способностью» (выделено нами – Г.З., И.К.)⁸.

Речь здесь не идет о подчинении экономической деятельности цели получения прибыли, обогащению какого-то отдельного слоя населения; акцент делается на оптимальном удовлетворении потребностей всего населения страны. «В здоровой экономике, построенной на соревновании, индивидууму не позволено претендовать на особые привилегии, подобный способ обогащения недопустим и для целых групп»⁹.

⁴ Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб.: «Экономическая школа», 1999. – С. 7.

⁵ Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. – СПб.: «Экономическая школа», 1999. – С. 264.

⁶ Там же. – С. 265.

⁷ Там же. – С. 267.

⁸ Эрхард Л. Дискуссия с Эриком Нелтингом на митинге СДПГ в цирке «Альтхофф» // Эрхард Э. Полвека размышлений. Речи и статьи. – М.: Руссико: Ордынка, 1993. – С. 123.

⁹ Эрхард Л. Благосостояние для всех // Эрхард Э. Полвека размышлений. Речи и статьи. – М.: Руссико: Ордынка, 1993. – С. 349.

Именно сферой благосостояния всех граждан и задачей удовлетворения их материальных потребностей должна быть ограничена экономическая деятельность, т. е. она никак не может быть ни господствующей в обществе, ни подчиняющей себе человека.

Это положение было научно обосновано марксизмом, начиная с «Экономически-философских рукописей 1844 года» К. Маркса и вплоть до таких известных, написанных во второй половине 80-х годов XX века, работ как «Производство как общественный процесс»¹⁰ и «С чего начинается личность»¹¹. В этих работах, которые, по сути, были посвящены всестороннему научному анализу человеческой деятельности, был сделан вывод о том, что человеческая деятельность в истинном понимании есть творчество, создающее культуру, т. е. она вовсе не сводится лишь к созданию материального богатства. «Обычно культура рассматривается как нечто внешнее, «результатирующее» по отношению к производству: она влияет на производство и сама является неким итогом, «продуктом» материального и духовного производства. Однако взаимодействие производства и культуры имеет более сложный, можно сказать, глубинный характер, если под культурой понимается универсальный, собственно человеческий способ освоения природы и организации общественной жизни, реализуемый на основе той или иной социальной связи людей. Пронизывая все сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности, характеризуя меру «очеловеченности» отношений между людьми, их образа действий и образа мышления, культура показывает, что имеется в человеке сверх (помимо) «производственной части» (К. Маркс) и насколько *общественное стало человеческим*»¹². Поэтому в будущем «на первый план выйдет иное измерение богатства общества и личности – возможность свободного обмена деятельностью, всестороннего общения и раскрытия способностей людей»¹³.

Однако, начиная с 90-х годов XX века вследствие развала Советского Союза и социалистического лагеря, нарастания процесса глобализации по неолиберальному сценарию обоснованная марксизмом восходящая ветвь эволюции человеческого общества сменилась нисходящей ветвью его движения, на которой экономизм стал превращаться в единственно господствующую доктрину, подчиняющую себе все сферы общественной жизни. Но осмысление и анализ этого факта показывают тупиковость такого движения прежде всего с точки зрения возможности существования самого рода человеческого. Поэтому неолиберальный сценарий современной глобализации под девизом повсеместно насаждаемого рыночного фундаментализма следует рассматривать как своеобразный род *вызова человечеству*. «Оно до сих пор не имеет социально-экономической модели, позволяющей ему реализовать хотя бы половину своих производственных возможностей, «шагреновая кожа» его биосоциального существования год от года болезненно сужается. Голос его исторической судьбы – все более требовательно-жесткий: ищи, ищи же выход, твое ноосферное будущее уже привидено, и дверь в него где-то совсем рядом – в твоей же схваченной мыслью экономической действительности»¹⁴.

Человеческая деятельность: что это такое?

На наш взгляд, «дверью» в ноосферное будущее является целостное понимание человека и его деятельности, которое может быть раскрыто на основе их *триалектической природы*. Она может быть понята и раскрыта при помощи методологии триалектики,

¹⁰ Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики) / Отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Мысль, 1986. – 350 с.

¹¹

¹² Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики) / Отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Мысль, 1986. – С. 332.

¹³ Там же. – С. 335.

¹⁴ Корняков В.И. Препоны между экономической реальностью и экономической теорией, или О формуле Гераклита для нашей науки // Философия хозяйства, 2007, № 3. – С. 156.

которая уже начала применяться в экономических исследованиях. В.Н. Тарасевич выдвинули обосновывает научную гипотезу «что **современная универсумизация** – это не только коэволюция природы и общества, по Н. Моисееву, или ноосферизация, по В. Вернадскому, но и формирование нового относительно обособленного и самостоятельного **синергетического уровня космо-природно-человеческой общности** с ее собственными основами, движущими силами, закономерностями и механизмами движения и регулирования, оказывающей возрастающее влияние на естественную и искусственную природу, все составные человеческой жизнедеятельности. В значительной степени этот процесс продвинулся в пределах микроуниверсума – на уровне отдельного человека-индивидуальности, которая чем дальше, тем больше движется под влиянием не столько классического внутреннего противоречия собственных биологической и социальной составляющих, сколько неоклассического трехстороннего противоречия последних и их относительно самостоятельного интегрированного образования синергетического типа»¹⁵. В этом плане уже совершенно недостаточно рассматривать человека как человека экономического, «в экономике все активнее действует не homo economicus, и даже уже не только человек-личность как ансамбль общественных отношений, по К. Марксу, а гражданин универсума, космо-планетарно-общественное существо, которое объемлет универсумные процессы своей тотальностью и каждой ее составляющей» (там же, с. 52).

В практическом плане применение триалектики к экономическим исследованиям позволило В.Н. Тарасевичу обосновать положение о том, что «особая парадигма социально-экономического развития Украины должна найти отражение в разработке национального переходного варианта социализированной экономической метапарадигмы. Адекватным ей является предметный уровень (*второй*)¹⁶, представленный проблематикой переходных форм богатства в противоречивом триединстве его основных составляющих – стоимостной, полезностной и социальной»¹⁷.

Дальнейшее применение методологии триалектики получило развитие в исследованиях проблем социальной экономики. Отталкиваясь от положений В.Н. Тарасевича о трех относительно самостоятельных составляющих (форм) богатства – стоимостной, полезностной и социальной, дальнейший анализ показал, что стоимостная и полезностная формы богатства составляют экономическое богатство, а **социальное богатство** предстает как иная, отличная от первого содержательного пространства, плоскость реальности. Тем самым было зафиксировано, что, с одной стороны, экономическое и социальное богатства – совершенно разные формы богатства, но существующие в единстве; с другой стороны, указание (выделение) двух форм богатства свидетельствует о незавершенности научной картины реальности, мира в свете методологии триад¹⁸. В своей относительной

¹⁵ Тарасевич В.Н. К стратегии универсумизации экономических преобразований // Экономика Украины, 2000, № 4. – С. 48.

¹⁶ Речь идет о предположении В.Н. Тарасевича «о формировании в предметном пространстве фундаментальной экономической науки особого **синтетического направления** исследований, в котором с известной долей условности целесообразно выделить три основных уровня. *Первый* представлен учениями Й. Шумпетера, М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева, которые по самому своему содержанию комплексны и синтетичны. Для *второго* уровня характерно сочетание, синтез отдельных составляющих стоимостного, полезностного и социального направлений. Примером может служить предметное содержание экономической метапарадигмы. *Третий* уровень связан с поисками возможностей интеграции результатов научных исследований и некоторых научных и ненаучных практик человекознания, имеющих дело с человеческим бессознательным и подсознательным» (Тарасевич В.Н. Очерки теории переходной экономики. – К.: Наук. думка, 2001. – С. 46).

¹⁷ Тарасевич В.Н. Очерки теории переходной экономики. – К.: Наук. думка, 2001. – С. 48.

¹⁸ См. Задорожный Г.В. Социальная экономика в новой картине реальности // Социальная экономика, 2005, № 1-2. - С. 37.

завершенности применение методологии триалектики позволило обосновать, что «третьим элементом, третьей формой богатства, которая существует особо, но проявляется и в экономическом, а еще полнее и выразительнее в социальном богатстве, является *духовное богатство*, вне которого мы не могли бы мыслить ни богатства экономического, ни богатства социального. И в этом плане важно понимать, что проблематика исследования социального богатства выступает важнейшим направлением обществоведческого знания, но одновременно только лишь прелюдией, вратами вхождения в *более высокую и более фундаментальную область-основание* – сферу духовного богатства. Принципиальное различие заключается в том, что экономическое и во многом социальное богатство – *внешнее* по отношению к человеку, а духовное богатство – *внутреннее*»¹⁹. Поэтому экономическое, социальное и духовное богатство, выделенные и описанные на основании применения методологии триалектики, позволяют целостно характеризовать богатство как целостное многосторонний и многоуровневый феномен, который является результатом человеческой деятельности, рассматриваемой в процессе ее исторического развития.

Но в указанных исследованиях речь идет именно о богатстве; нас же интересует процесс человеческой деятельности, который создает, творит богатство в единстве его трех основных форм. Видимо, поскольку целостность богатства представлена в данном единстве, то и сам процесс человеческой деятельности необходимо рассматривать во внутреннем единстве его составляющих, которые основываются на целостности самого человека, где можно условно выделить три его основные ипостаси: биологическую, социальную и духовную. Они, естественно, шире, чем три формы богатства, но в принципе здесь можно провести некую аналогию.

Экономическое богатство направлено в основном на обеспечение существования, жизни человека, поддержание в функционирующем жизненном состоянии его биологической природы. Социальное богатство проявляется в отношениях человека с другими отдельными людьми и их сообществами, т. е. оно позволяет рассматривать социальную, общественную составляющую жизнедеятельности человека. Хотя понятно, что, создавая экономическое богатство, человек включается в общественный процесс, но мы подчеркнули, что выделение здесь довольно условное в силу необходимости *разрыва единства* для проведения сущностного анализа. Духовное богатство в каком-то роде противостоит экономическому и социальному богатствам, но и включает их в себя, охватывает в снятом виде. И этот вид богатства, как оказывается, является *имманентным* самой сути человека как особого биологического вида, выделившегося из животного мира благодаря возникновению именно *сознания*. «Движущие силы человеческой истории могут быть заключены только в свойствах самих особей – субъектов того взаимодействия, которое из животного, биологического, становится человеческим, социальным, и это превращение и есть превращение бессознательной орудийной деятельности в сознательное человеческое производство»²⁰.

Под *человеческой деятельностью*, на наш взгляд, следует понимать *сознательное*, прежде всего, *духовно-творческое производство необходимых материальных и духовных благ для жизни человека как процесса его саморазвития*. Процесс человеческой деятельности предстает как процесс расширяющейся и углубляющейся самореализации человека. Деятельности человека внутренне присущи следующие основные моменты.

Во-первых, *определяющая роль сознания*. «Стадо, осуществляющее расщепленную жизнедеятельность, разделенное на вожаков – носителей отражательной деятельности – и ведомых – носителей деятельности воздействующей, возникает... вне феномена сознания: и первые и вторые осуществляют, в общем случае, свои функции бессознательно, условно-

¹⁹ Там же.

²⁰ Ахназаров Э.Б. Контуры эволюции. – СПб.: Недра, 2002. – С. 180.

рефлекторно»²¹, а поэтому «возникновение человека есть момент возникновения сознания»²².

Во-вторых, *духовно-творческий характер* деятельности. Деятельность есть процесс преобразования, импульсом которого является различие, раздвоение своего Я. «Различение себя в моментах – это и есть начало рефлексии, осознания и, в конечном итоге, сознания»²³. Рефлексия как свойство сознания (а может и его суть?) становится исходным двигателем деятельности. И это отражает тот факт, что животное еще не различает себя в природе, а человек, благодаря способности рефлексии сознания, проявляет свою активность по отношению к некоему объекту, производящему воздействие на человека, у которого нет ответа на это воздействие. «Для животного возможность решить задачу сводится к приведению ее в вид, форму, соответствующую прошлому опыту. Любая новая ситуация для животного есть повод для возвращения к ситуациям старым, к сложившимся связям животного с миром, к наработанному пакету программ»²⁴. Для человека же новизна в объекте предстает как «момент обнаружения рассогласования, разрыва между тем образом мира, который возникает в данный момент, в данной конкретной ситуации и выявляет несоответствие имеющегося пакета программ задаче выработке адекватного ответа на ситуацию»²⁵. И поскольку, как доказали психологи, человеческий ум не способен буквально копировать²⁶ имеющиеся у него, ранее выработанные другими или им самим решения, то сознание направлено на поиск нового, а его инновационная деятельность стремится к формированию новой картины мира (объекта), что и реализуется в деятельности по созданию этого нового. Тем самым в своей деятельности человек творит мир через «поиск новизны – это не поиск простого разнообразия, это непрерывное расширение и углубление общей картины мира, создание его новой целостной модели в континууме мозга»²⁷.

В-третьих, фундаментальная структура человеческой деятельности основана на *потребности выживания человека*, которая изначально формирует человеческое сознание и которая разворачивается в целый спектр потребностей, удовлетворяемых материальными и духовными благами. Идея выживания человека, изначально оформившись в виде его сознания, приобретает и изначально раздвоение: с одной стороны, формируется нравственный императив, включающий запреты на недопустимые с точки зрения выживания рода действия; с другой стороны, инновационность сознания возвышает потребности, которые удовлетворяются посредством деятельности. Но эти две стороны должны существовать в единстве, которое обеспечивается *мыследеятельностью*, ибо человек рождается для того, чтобы мыслить *сознательно, целенаправленно*.

И опять «но»: мыслить – весьма трудная задача, а поэтому человек стремится уйти от нее, полагаясь на импульс, рефлекс, которые также могут обеспечить ему сносное существование. Эта *ленность мыслить* достигает своей высшей степени в современном технически комфортном мире и человека будто бы уже и нет: «... меня нет. И нет, не потому, что ничто не заставляет меня мыслить. Живая чувственность, неудовлетворенность которой

²¹ Там же. – С. 195-196.

²² Там же. – С. 202.

²³ Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию // Хант Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. – С. 13.

²⁴ Ахназаров Э.Б. Контуры эволюции. – СПб.: Недра, 2002. – С. 217.

²⁵ Там же. – С. 216.

²⁶ «Головной мозг «запоминает», как магнитофон, и не повторяет, как попугай. *Даже в самых негибких мозгах...происходит гораздо больше процессов реассоциирования, реструктурирования и творческого редактирования, чем мы сознательно отдаем себе в этом отчет*» (Уилсон Р.А. Квантовая психология. – М.: ООО Изд. дом «София», 2005. – С. 143.

²⁷ Ахназаров Э.Б. Контуры эволюции. – СПб.: Недра, 2002. – С. 224.

есть первоначало моего пробуждения, молчит. Ее нужно научить молчать (ее, именно ее, живую чувственность можно научить стать внемысленной, внечеловеческой чувственностью, и это гораздо важнее, чем отучить мыслить). Для этого нужно, в первую очередь, конечно, подавить инстинкт социальности, инстинкт живого общения с живой человеческой чувственностью, с уникальной неповторимостью окружающего бытия»²⁸. Деятельность без мыследеятельности невозможна, как невозможно и выживание человека. Деятельность становится антидеятельностью; человек превращается в животное-автомат.

В-четвертых, исходя из указанных характеристик, деятельность представляет собой основной механизм самореализации человека. Здесь деятельность выступает как самодеятельность, ибо человек, сознательно и осмысленно действующий, исходя из своей духовно-телесной природы, творит как себя, так и мир вокруг себя, не нанося вреда ни себе, ни природе. В самодеятельности как высшей и имманентной форме проявляется органичная целостность существования человека, воплощаемая в его творчестве. Но творчество есть инобытие сознания человека.

Эти выделенные внутренние характеристики-свойства человеческой деятельности раскрывают ее суть и содержание в качественно иной плоскости, совершенно ином формате научного осмысления. Они позволяют констатировать, что о деятельности можно говорить только в отношении человека, который обладает рефлектирующим сознанием. Поэтому традиционный подход, утверждающий, что деятельность возникает с появлением орудий труда, требует серьезных научных уточнений, накладывающих свой отпечаток на все социальное учение. Ранее эти идеи были объектом специального исследования Э.Б. Ахназарова, которым он занимался с конца 1960-х годов до 1981 года, когда было осуществлено «самиздатовское» издание рукописи под названием «Контурсы эволюции». В заключительных выводах этой рукописи Э.Б. Ахназаров писал: «...поскольку сущностью человеческого способа существования является феномен сознания, то именно спецификой сознания определяются все проявления социального взаимодействия в конкретных условиях бытия, в том числе и развитие материально-практической деятельности человека. Не сознание выступает в качестве второй производной материального производства, но все вообще конкретные проявления человеческой деятельности являются превращенными формами, инобытием свойств сознания, в котором, в свою очередь, предстает миру специфическая природа человека»²⁹. Сегодня понятно, что изложенное в рукописи, мягко говоря, не согласовалось с господствующим в то время марксистским подходом. Но сейчас, когда поставлен вопрос о том, что сознание стало новым предметом труда, что оно является более фундаментальным основанием реальности, нежели материя, пространство и время, а также в связи с формированием постнеклассической науки новое осмысление современных реалий, и прежде всего феномена человеческой деятельности, становится необходимостью углубления научного анализа действительности, создающего фундамент новой картины реальности, более глубокой и всеохватывающей, нежели та ее научная картина, которая сформировалась в XX веке.

Современная человеческая деятельность в свете триалектики

Если методологию триалектики применить к исследованию содержания человеческой деятельности на основании вышеизложенного, то становится понятным, что, во-первых, это не только возможно, но и необходимо исходя из признания триипостасевой целостной природы самого человека – био(материальной), социальной и духовной; во-вторых, каждой ипостаси как составляющей внутреннего единства соответствует своя относительно самостоятельная форма реализации в процессе человеческой деятельности. Материальная реализуется преимущественно через *опредмечивание*; социальная - посредством

²⁸ Там же. – С. 222.

²⁹ Там же. – С. 231.

социализации; духовная осуществляется в процессе *очеловечивания* самого человека, а через это и природы, и общения.

Эти формы представляют собой фундаментальные способы *овнешнения* внутреннего потенциала человека как био-социо-духовного существа, которое в своей актуальной реализации посредством сознания определяют вектор-тенденцию развития как общественного производства, так и общества в целом. В современном мире биологическое соотносится с производством продуктов потребления как товаров; социальное – с развитием сферы услуг и производством знаний; духовное – со свободным временем как «мерой общественного богатства» всесторонне развитой личности.

Но также следует указать и на то, что в условиях глобализации, которая сегодня преследуя социал-дарвинистские цели и служит «господам мира сего» (А.С. Падарин), способствуя ускоренному разделению на бедных и богатейших, наблюдается то, что в самой человеческой деятельности перевешивают ее моменты, противостоящие человеческой природе. Они прямо направлены *против человека*.

Прежде всего, это касается ускоренного развития *техноса* как своеобразного образа жизнедеятельности тех, кто непосредственно вовлечен в процесс создания искусственного мира, все в большей мере заменяющего естественный мир как среду жизни человека. Речь идет не столько о технике, берущей на себя множество функций, которые ранее были сферой деятельности человека. Хотя и в этом заложен подрыв человеческой сущности: «Чувствовать, размышлять – это такая же кустарщина, как работать руками и ходить пешком. Техника избавляет нас от того и другого. После первого избавления говорят: он гвоздя забить не может. После второго придется сказать: он не может связать двух слов. Но, слава Технике, преуспевает. Она связывает нас информационно и разъединяет эмоционально. То есть Бытийно»³⁰.

Но более важным в этом процессе является формирование и быстрое распространение современной *аудивизуальной культуры*, все больше вовлекающей человека в *виртуальный мир*. «Эта новая «культура» лишает человека его собственного предметного мира, унося туда, где он существует только как фантом... Впереди – массовая компьютерная наркомания, которую называют пока «пребывание в виртуальной реальности» (Там же, с. 53). Достигая своих временных целей, научно-технический прогресс способствует деградации социального и духовного мира человека. «Ирония прогресса. Цель – выше, сильнее, умнее. Результат – ниже, слабее, глупее. Но опять, слава Ей, знать об этом результате человечество не будет. Нечем будет знать»³¹.

Все это свидетельствует, что современная человеческая деятельность в погоне за созданием все более совершенного техномира во многих своих аспектах противостоит человеческой природе, а поэтому ее гуманизация, направленная на возвышение человека и превращение из средства в цель развития, становится в начале нового века наиболее важным содержательно-смысловым императивом, который совпадает с императивом выживания человечества как особого биологического рода. С другой стороны, понятно, что выжить человек может лишь посредством сознательного изменения акцентов в своих решениях и деятельности на основе перехода к коэволюционному развитию общества и природы, человека и природы.

Однако для такого перехода, который знаменует собой качественно новый виток развития, необходимо находить формы разрешения внутреннего противоречия трансформации структуры самой человеческой деятельности. Это противоречие обусловлено тем, что, с одной стороны, существует триалектическая природа самого человека, которую он может и должен реализовывать посредством своей деятельности; с другой стороны, его деятельность во многом обуславливается внешними по отношению к человеку господствующими формами идеологий, в которых сохраняется и которыми сознательно и

³⁰ Кутырев В.А. Могушественный раб техноса... // Человек, 2006, № 4. – С. 54.

³¹ Там же. – С. 55.

целенаправленно задается инверсионная логика экономической формы хозяйственного развития.

Любая хозяйственная система имеет свою идеологию как важнейший внутренний компонент. Согласно этой идеологии действуют все субъекты системы. Но важнейшее свойство идеологии состоит в том, что она вынуждена постоянно себя защищать, не допуская отхода от ее исходных постулатов, претендуя на вечное господство. Это в полной мере касается и экономизма как идеологии рыночной экономики с его направленностью на самовозрастание капитала и получение прибыли посредством механизма жесткой и античеловеческой конкуренции. Экономизм как идеология современного глобализирующегося мира, «основанная на методе хаоса и здравого смысла, является, пожалуй, самой разрушительной для экономики и общества в целом... Современные экономисты ушли от проблемы сотворения мира, отстранились от нравственно-этических норм поведения людей, не воспринимают в выборе своих теоретических конструкций историко-социального контекста и духовного мира общества. В итоге аналитический инструментарий, построенный на жестко детерминированной и утилитарной экономической рациональности, при всей своей кажущейся стройности, строгости и последовательности просто не имеет практического смысла»³². Чтобы искусственно продлить свое существование экономизм направил усилия ученых, а вслед за ними и практикующих субъектов в русло осмысления и защиты «новых» видов капитала: интеллектуального, человеческого, социального. Тем самым он поставил задачу идеологически закрепить господство капитала, но уже, якобы, в новых формах. Но оборотной стороной здесь опять-таки является положение человека как средства для самовозрастания капитала. И это средство теперь связывается с интеллектом человека, а интеллектуализация, свободная от нравственных оснований и ценностей, еще дальше уводит человека от решения проблем сущностной рациональности, которая, по М. Веберу, первична и играет фундаментальную роль в реализации человеком своей сущности. Интеллектуализация, взятая в своей непосредственности, безотносительно к всестороннему развитию человека, всецело направлена и используется экономизмом и его мозговыми трестами через технологии манипуляции для формирования одномерного человека-потребителя. С другой стороны, интеллектуализация, все больше связанная с компьютеризацией, все в большей мере способствует отупению ума, потере сообразительности, а в конечном счете и разума. А.В. Кутырев подчеркивает: «уверяют, что с развитием компьютерных систем человек сразу будет иметь нужную ему информацию о чем угодно – «информационный комфорт»... Но, как любой другой, этот комфорт обезволивает, лишает энергии, только уже не одно тело, а и мысль. Получение готовой информации аналогично питанию через кровь, минуя желудок. Организм атрофируется. У мозга тоже есть «желудок», который готовит, обрабатывает информацию, чтобы родилась мысль. Новое появляется в ходе поиска, переваривания сначала жизни, и только потом – информации. Без подобного этапа угол зрения исследователя будет слишком узким, а мышление стерильным, то есть за бесплодным. *Бесплодие духа вслед за бесплодием тела*»³³.

Все это говорит о том, что роль сознания в современном процессе человеческой деятельности проявляется преимущественно в ее интеллектуализации, которая все больше отходит от решения проблем, связанных с утверждением сущностной рациональности (М. Вебер), способствуя формированию одномерного человека-потребителя товаров либо информации.

Но даже в условиях формирования экономики знаний, где знания, информация, интеллект становятся определяющими взаимозависимыми ресурсами общественного развития, человеческая деятельность не должна рассматриваться и анализироваться водной

³² Лемешенко П.С. Институциональная составляющая идеологии в экономике и науке // *Философия хозяйства*, 2006, № 3. – С. 75.

³³ Кутырев В.А. Могущественный раб техноса... // *Человек*, 2006, № 4. – С. 58.

системе координат, т. е. моноструктурно, это вытекает как из рассмотренных выше рассуждений, так и из ее внутренней противоречивости, проявляющейся в единстве взаимозависимых, но разнокачественных явлений, не сводимых одно к другому. Об этом говорит наличие в деятельности человека трех фундаментальных составляющих, а также и ее чисто феноменальные характеристики как-то: преимущественно физическая или преимущественно умственная деятельность, монотонная или творческая и пр. Следствием такого понимания человеческой деятельности могут служить три важнейших методологических положения, которые должны стать основаниями для углубления экономических исследований. Этими положениями, на наш взгляд, являются, во-первых, линейное понимание прогресса развития человеческого общества игнорирует современную реальность, которая может быть познана лишь на основании нелинейного подхода, который предполагает рассмотрение реальности как сложной самоорганизующейся системы. В ней лишь какие-то аспекты или стороны, отдельные явления можно характеризовать в координатах линейного развития и то в некоторое короткое время.

Во-вторых, необходимо исходить в исследованиях хозяйственной жизни из того, что в ней потребности и ценности представляют собой своеобразные морфологические нормы-векторы, определяющие реальный коридор свободы действий человека на каждом исторически значимом этапе его развития. Взаимодействие потребностей и ценностей не является непосредственным, ибо это качественно разные явления с различной ролью их в структуре человеческой деятельности. В общем плане можно говорить о том, что потребности более быстро подвергаются изменениям; ценности выступают в деятельности как более консервативный элемент, который содержит в себе социальные запреты, возникающие из духовных оснований в сфере человеческой жизнедеятельности. Поэтому человек, ориентируясь на новые потребности, формируя их, все же должен опираться в этом процессе на фундаментальные ценности, во многом предопределяющие коридор его выбора, свободу деятельности в каждый данный момент развития.

В-третьих, экономический подход к исследованию человеческой деятельности, за который ратует традиционная экономическая наука, сегодня не позволяет раскрыть ее сложную полиструктурную природу, объяснить возникновение синергетического эффекта, который проявляется в хозяйстве как Культуре и в чем-то равнозначен развитию самой человеческой жизнедеятельности. В этом аспекте целостность деятельности наиболее существенно предстает как процесс творчества.

Но если в 80-х годах минувшего века творчество рассматривали в связи с самодеятельностью и всесторонним развитием личности человека, то сегодня об этом как-то не принято говорить. Актуальным считается исследование интеллектуализации, которая лежит в основании перехода к экономике знаний. При этом сам процесс интеллектуализации также рассматривается как некое нейтрально содержательное явление, якобы не имеющее социальной природы. На самом же деле это совершенно не так: интеллектуализация рождает новое весьма жесткое разделение труда и формирует новую социально-имущественную стратификацию как национального общества, так и глобализирующегося мира вообще. Сама являясь формой разрешения общественных противоречий, интеллектуализация порождает новое противоречие: с одной стороны, устойчиво формируются и выделяются группы людей и стран, деятельность которых связана с быстро изменяющимися знаниеемкими технологиями, прежде всего типа high hume. Эти группы инициируют не только создание новых знаний, но и задают социальные смыслы их использования, т. е. некие современные стандарты, а тем самым начинают занимать в обществе господствующее положение как бы само собой. Этот процесс сопровождается тем, что они все более осознают роль власти знания, о которой Э. Тоффлер писал, что она является самой высококачественной властью, а поэтому подчиняет себе как власть силы, так и власть богатства как менее развитые формы власти. При этом интеллектуалы прямо не преследуют материальных интересов, но доходы их стремительно возрастают. С другой стороны, растет абсолютно численность населения как в отдельных странах, так и в мире в целом, уровень образования и качество знаний

которого не позволяют им непосредственно принимать участие в процессах интеллектуальной деятельности и получать доход, достаточный для обеспечения нормальной современной жизнедеятельности.

Противоречие обостряется и его можно разрешить только на основании сознательного внедрения принципов социальной справедливости в современную хозяйственную реальность. Возможность и необходимость такого разрешения указанного противоречия обусловлена тем, что сама реальность должна рассматриваться как саморазвивающийся человекоразмерный комплекс, в котором человек является субъектом развития. Но роль субъекта по определению предполагает, что он сознательно и целенаправленно участвует в процессе саморазвития данного комплекса, который, опять-таки по определению является именно человекоразмерным. В нем все взаимосвязано и взаимообусловлено, все его компоненты, хотя и являются относительно автономными, но не выступают внеположенными друг другу, а предстают как составляющие особой целостной, исторически развивающейся системы, встроенной в мир³⁴. Познание и понимание этой целостности и взаимозависимости относительно автономных ее компонент именно и составляет то основание, на котором только и возможно разрешение рассматриваемого противоречия. Понимая это, человек, создав идеально желаемый образ будущего как целостности, посредством своей деятельности может и должен его воплотить.

Таким образом, наш анализ был сосредоточен на выяснении того, как должна пониматься человеческая деятельность в современном мире, чреватом проблемой сохранения человека и императивом его выживания. Понимание деятельности человека как орудийной являлось важным этапом осмысления ее сути в период индустриального развития, когда решались преимущественно материальные проблемы жизни. Но вся беда в том, что посредством так понимаемой своей деятельности «человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и очевидно ухудшающие ее»³⁵. Но орудийно-техническое понимание человеческой деятельности мало чем может помочь в нынешней ситуации. Поэтому столь важным становится новый взгляд на саму природу деятельности человека. Оказывается, что деятельность как таковая корреспондируется с сознанием человека, его способностью к рефлексии. И дело здесь не просто в том, что это новый взгляд на понимание человеческой деятельности. Суть в том, что *«мы сами конструируем пространство и время»*, а «наши спящие души часто оказываются намного мудрее нас, бодрствующих»³⁶. Как давно заметили антропологи, люди чаще всего ведут себя так, как от них ожидают в обществе, они *не используют потенциал своего сознания*, таящий «возможность воспринимать и мыслить по-новому, избавиться от привычной фразеологии и «увидеть» мир сквозь призму другой фразеологии. Сменить жесткий туннель реальности на лабиринт реальности, где вариантов выбора великое множество. Выйти за пределы модельного теизма (догмы) и чувствовать-мыслить непринужденно, в согласии с «модельным агностицизмом» посткопенгагенской физики»³⁷. Видимо, не зря в последнее время все больше ученых обращают взоры к восточным системам миропонимания, где сознание понимается как не только более тонкая, но и более фундаментальная форма материи. «В индуистской космогонии именно материя появляется из сознания, а не наоборот. Или как сказано в Ведах: физический мир появляется одновременно как «завуалированное» и «спроецированное» свойство сознания. Поскольку материальная

³⁴ Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы.* – М.: Гардарики, 2007. – С. 360.

³⁵ Там же. – С. 101.

³⁶ Талбот М. *Голографическая Вселенная.* – М.: Изд. дом «София», 2005. – С. 70, 76.

³⁷ Уилсон Р.А. *Квантовая психология.* – М.: ООО Изд. дом «София», 2005. – С. 142.

вселенная представляет собой реальность второго порядка, созданная «завуалированным» сознанием, индусы говорят, что она пребывает в переменчивом и иллюзорном, вечно текущем состоянии, известном как *майя*³⁸.

Поступила в редколлегию 5.10.2007 г.

© Задорожный Г.В., Колупаева И.В., 2007

---

³⁸ Талбот М. Голографическая Вселенная. – М.: Изд. дом «София», 2005. – С. 327.